

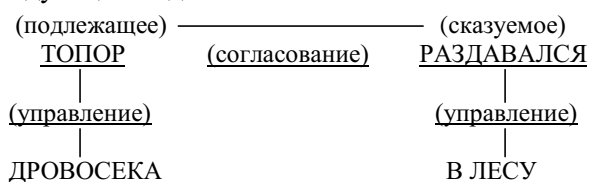
ПРОБЛЕМЫ АКТУАЛЬНОГО СИНТАКСИСА РУССКОГО ЯЗЫКА

Статья представляет собой опыт типологии русских предикатов, которая устанавливается на материале актуального синтаксиса русского языка. Согласно концепции автора синтаксический уровень в процессе изучения русского языка в средней и высшей школе должен предшествовать всем остальным уровням.

Все развитие синтаксической теории в России шло под флагом освобождения от влияния логики и искоренения логической терминологии из языка описания фразы [1; 2]. Такое стремление к эмансипации грамматики было и романтичным и прагматичным одновременно. Синтаксическая теория, основанная на античных [3] и средневековых [4; 5; 6] традициях, объясняла только часть естественного материала; за пределами оставался океан фраз, которые при самом активном желании подвести под логические фигуры было невозможно; между тем именно они, как казалось, составляли сущность естественного языка. Логика мешала, логика сковывала, а грамматика имела свои довольно яркие признаки, по которым было легко опознавать и главные, и второстепенные элементы фразы, и самую фразу, и даже синтаксическую систему в целом – во всем многообразии ее речевых проявлений.

Лinguисты совершенно не интересовала судьба логики, которая в отрыве от естественного языка превращалась в абстрактную теорию символов [7], некий формальный метаязык [8], который, несмотря на это, продолжал опираться на естественный, но очень упрощенный; начиналась игра в неузнавание, когда естественная языковая информация переводилась на язык логики [9] и пафосом грамматических описаний становились перечни логических функций, найти адекватные соответствия которым в языке становилось все труднее и труднее.

Между тем и грамматика без логических смыслов превращалась в сплошную схоластику: мышление (логику) невозможно оторвать от языка, поскольку это и есть содержательная сторона коммуникативных единиц и вообще коммуникации, а лишенная содержательной стороны грамматика мертва и бессмысленна. Результаты борьбы с логикой довольно скоро представились в схоластической школьной грамматике, которая фразу «**В лесу раздавался топор дровосека**» представляла в виде следующей модели:

без какого-либо намека на содержание [10]. Или с таковым намеком:

1) «кто? – что?» – «ТОПОР»; 2) «топор что делал?» – «РАЗДАВАЛСЯ»; 3) «топор кого? – чего?» или «топор чей?» – «ДРОВОСЕКА»; 4) «раздавался где?» и даже – «в чем?» (иначе не догадаться, что «В ЛЕСУ» – это существительное с предлогом).

Конечно, все это было далеко от жизни, от реальной языковой картины, поэтому так называемая «учебно-исследовательская модель» [11] была представлена как «вторая реальность», как параллельная подлинной реальности суть [12].

Парадоксальная ситуация, когда логическая модель была неадекватна синтаксической реальности в целом, но значительную часть фактов объясняла в достаточной степени и без логики эти факты объяснялись трудно, не обязательно должна была разрешаться освобождением грамматики от логики: можно было просто искать дополнительные возможности усилить синтаксическую модель, прибавить ей объяснительную силу. К большому сожалению, такая необходимая работа была проделана не в России, а в Германии усилиями **Х.Г.К. фон дер Габелленца** (1840-1893) и **Г. Пауля** (1846-1921) [13; 14; 15]; идеи актуального членения предложения, выдвинутые этими учеными, в силу их перегруженности психологической терминологией не были осмыслены и развиты в достаточной степени ни современниками, ни более поздним поколением лингвистов в большинстве стран; их продуктивность, однако, хорошо поняли в Праге, и в дальнейшем теория актуального членения распространялась под флагом Пражского структурализма и была связана с именем одного из ярких его представителей **В. Матезиуса** (1882-1945) [16; 17; 18].

Необходимость хотя бы учета актуального членения при анализе русского предложения в школьном и вузовском преподавании русского языка хорошо была осознана выдающимся лингвистом XX века **В.В. Виноградовым** (1894/95-1969) [19]. При непосредственном участии **В.В. Виноградова** была выполнена блестящая работа **И.П. Распопова** (1925-1982), посвященная актуальному членению

простого предложения в русской повествовательной речи [20]; параллельно аналогичное исследование велось **И.И. Ковтуновой** [21]. Типы актуального членения русской монологической фразы, установленные И.П. Распоповым и описанные им на большом числе примеров, стали хрестоматийным, опорным материалом для дальнейших синтаксических исследований. Сущность последних сводилась к двум моментам: во-первых, к попытке представить типологию актуального членения фразы в виде единой порождающей системы, во-вторых, обойтись при создании типологии русской фразы только актуальным членением и ни в коем случае не опираться на грамматическое; обе попытки были предприняты профессором **В.Г. Руделевым** [22] и его учениками (**Н.И. Руднева** [12]).

Заметим, что И.П. Распопов не считал актуальное членение единственно возможным членением фразы, противопоставляя его формально-грамматическому; что касается И.И. Ковтуновой, то она относила актуальное членение к речевым фактам, находя в языке только формально-грамматическое. В этом смысле попытки В.Г. Руделева и его учеников опереться при квалификации сегментов предложения только на факты актуального синтаксиса интересны и продуктивны. Столь же интересно и продуктивно рассуждение В.Г. Руделева о том, что словосочетания типа «**красные розы**» или «**ловить рыбу**» являются целыми блоками предложения (предложениями в предложении) и на магистральной линии текста не подвергаются членению (ср. с теорией трансформационного синтаксиса **Н. Хомского** [27], которая предполагает аналогичные факты), как не подвергаются членению и слова, которые являются элементарными членами предложения (актантами, сирконстантами, предикатами). Но здесь мы должны отметить два недостатка синтаксической теории В.Г. Руделева. Во-первых, в число словосочетаний В.Г. Руделевым не включены так называемые «предикатные синтагмы» типа «**разболелись зубы**» и иные, в которых актуальное членение отсутствует; между тем предикативные блоки трактовались как словосочетания основателем русской теории словосочетаний **Ф.Ф. Фортунатовым** [23], а также его учеником **А.А. Шахматовым** [24]; и только позже по указанным блокам была проведена граница между словосочетанием и предложением, конечно без учета актуального членения [25]. Во-вторых, В.Г. Руделев не учитывает возможности актуализации элементов словосочетания (эпитета и прямого дополнения) и перемещения этих структур на магистральную линию высказывания [26]. Нам представ-

ляется возможность пойти вслед за И.П. Распоповым в противопоставлении актуального и формально-грамматического членения, но отнести второе к тем участкам фразы, которые оказываются в стороне от основной магистрали сообщения и не претерпевают актуализации; они, так сказать, потенциальные предикаты (**псевдопредикаты**), в отличие от подлинных предикатов или их аналогов, выделенных актуально.

Вот здесь мы и подошли к самому важному моменту нашей работы – к установлению типов русских предикатов. Заметим, что такая типология устанавливается только на материале актуального синтаксиса; обращение к морфологии, теории частей речи и вообще классов слов не допускается [28]: согласно нашим постулатам, синтаксис предшествует всему остальному в языке, и преподавание теории предложения должно проходить раньше всего остального, что свойственно языку (учения о слове и о звуке); именно поэтому мы поддерживаем рассуждение В.Г. Руделева о некорректности выражений «именное сказуемое», «глагольное сказуемое», заменяя термины «глагол», «имя» и проч. терминами «актант», «сирконстант», «предикат» [22; 29].

Материалом нашего исследования являются тексты пьес выдающегося русского драматурга **А. Вампилова**, еще не осмысленного достаточно в плане языка (кроме работы учительницы **Н.И. Рудневой** [12], специальных лингвистических анализов творчества **А. Вампилова**, как нам представляется, нет).

* * *

Актуальному членению подвергаются освобожденные от модальных рамок участки диктума, в которых обнаруживается тема и рема (= «данное» и «новое» = «основа» и «предсказуемая часть» и пр.). Прежде всего в предложении выявляются экспозиты (= «сирконстанты» = «обстоятельства» и т.п.); это своего рода «**сцена**», на которой разворачиваются **события** (= драмы = действия и т. д.) [29; 30]. Модель отношений между **Т-о** (тематическим обстоятельством) и **Р-соб** (рематическим событием) описано В.Г. Руделевым на основании примеров и типологических классификаций И.П. Распопова и нами не изменяется; вводится только наименование **Р-соб** (событийной ремы) – **суперпредикат** (это еще не сам предикат, это то, что может быть приравнено к предикату или выделит предикат из своего состава в результате последующих операций); однако соотношение с **предикатом** для нас в данном случае необходимо, потому что никакого иного «уровня», кроме коммуникативного, мы не предусматриваем и предикативность для нас имеет только один смысл – это актуальное членение.

Итак, русское предложение соответствует модели:

1. $\Pi = (\text{Т-о} \text{ — } > \text{Р-соб})$, где Π – <предложение>; Т-о – <тематическое обстоятельство>; — > – знак <слабой зависимости>; Р-соб – <событийная рема>.

Примеры встречаются как в ремарках, так и в репликах диалогов: [Ремарка: В большой комнате **вынесены кровати, сдвинуты столы**]; [Гомыра: Сегодня здесь в виде жениха и влюбленного человека **сидит мой друг и геолог Вася Букин**] («Прощание в июне»); [Потапов: А **что** у вас тут **происходит?..** Здесь в коридоре **вся гостиница собралась**] («История с метранпажем»); [Кушак: А знаете, здесь **неплохо готовят...**]; [Вера: По вечерам здесь **бывает музыка**] («Утиная охота»); [Ремарка: Из домика **слышится смех Макарянской**] («Старший сын»).

Событийная рема откладывает отпечаток на все предложение, которое в целом является **событийным**. Операция №1 ($\Pi = \text{Т-о} \text{ — } > \text{Р-соб}$) отделяет событийные предложения от тех, которые в современных синтаксических описаниях представлены в качестве эталонов («Ученик идет в школу» или «Джон принялся падать»). Предложение «По вечерам здесь **бывает музыка**» не может быть разобрано по модели: «Что?» – «МУЗЫКА»; «Музыка что делает?» – «БЫВАЕТ» и т. д., потому что естественный вопрос, который предшествует данному предложению или может ему предшествовать, – событийный: «**Что** здесь **происходит** по вечерам?» Между тем схоластическая школьная и даже вузовская грамматика русского языка не дает никаких представлений о событийных предложениях и фразу «**Наступила весна**» рассматривает как обычное двусоставное предложение с подлежащим «ВЕСНА» («Что?» – «ВЕСНА») и сказуемым «НАСТУПИЛА» («Весна что сделала?» – «НАСТУПИЛА»).

Развитие синтаксической модели, порождающей предикаты, происходит путем введения во вторую тематическую позицию актанта-дополнения **Т-д: 1-2**.

$\Pi = (\text{Т-о} \text{ — } > \text{Р-соб})$ (1).

$\text{Р-соб} = (\text{Т-д} \text{ — } >> \text{Р-соб})$ (2).

$\Pi = (\text{Т-о} \text{ — } > \text{Т-д} \text{ — } >> \text{Р-соб})$ (1-2).

Значение введенных дополнительно символов: Т-д – <тематическое дополнение>; — >> – знак <сильной зависимости>.

Примеры: [Сарафанов: Володя! Я все понял. Из этого дома **надо уходить**.]; [Нина: На работе у него **вечно какие-нибудь сложности**]; [Она же:

Папа, сейчас тебе **лучше помолчать**]; [Сарафанов: К семи мне **придется съездить в филармонию**, но это **ненадолго**. Сегодня у нас **серьезная программа – Глинка, Берлиоз**]; [Он же: Хорошо еще, что сегодня ему **не надо в школу**] («Старший сын»); [Галина: Вечером тебя **видели в городе**.]; [Кушак: Не знаю, право, **идти** ли мне. У меня, видите ли, **и настроение неважное, и жена у меня отсутствует...мм...** в настоящее время] («Утиная охота»).

В аналогичных предложениях может отсутствовать обстоятельство, но тематическое дополнение в них обязательно: [Зилов: **Подменись**. – Официант: **Бесполезно**. У нас **все в отпуске**] («Утиная охота»); [Колесов: Видите, вам **скучно**. – Таня (пожала плечами)]; [Колесов: Вас **как зовут?** У вас **нет имени?** – **Молчание**]; [Он же: У меня **хорошая память**] («Прощание в июне»); [Нина: **Что** это? **Что** здесь **происходит?** – Сарафанов: Нина, у нас **большая радость**. **Наконец-то нашелся твой старший брат**] («Старший сын»).

Приведенные в качестве примеров на модель $\Pi = (\text{Т-д} \text{ — } >> \text{Р-соб})$ предложения весьма интересны в том смысле, что синонимичны предложениям структуры $\Pi = (\text{Т-п} \text{ < — } > \text{Р-ск})$, о которых речь пойдет чуть позже: Ср.: «Мне **надо идти**» и «Я **должен идти**». Именно этот факт дает возможность русистам предполагать в данном случае особого рода **предикаты** и **субъекты** [32]. Это как будто бы подтверждается и иными фактами, например, однородностью текста, в котором предложения типа «Я **должен идти**» чередуются с предложениями типа «Мне **надо идти**». Ср.: [Ремарка: Появляется **Вера**. Ей **около двадцати пяти**. Она **явно привлекательна, несколько грубоватая, живая, всегда «в форме**». Сейчас она **в костюме промтоварного магазина**. А вообще она одевается **красиво** и носит неизменно **роскошную прическу**] («Утиная охота»).

Нам представляется более предпочтительным различение актантов типа «я» и «мне», поскольку они могут употребляться рядом, создавая довольно заметные оттенки значения. Ср.: [Бусыгин. А как иначе? Ведь он тебе **не кто-нибудь – отец родной**] («Старший сын»). И «он», и «тебе» – актанты с одинаковым субъективным значением. Но первый актант-субъект – предмет высказывания, главная тема речи, в нем присутствует некоторая доля тематичности, которой нет в актанте «тебе». У И.П. Распопова встречается предложение с аналогичным распределением семантической энергии: «Пондалевский **побаивался** Рудина» (из И.С. Тургенева), которое В.Г. Руделев счел возможным назвать **трехсоставным** [22].

Рематическую часть предложений типа **T = (T-о — > (T-д — >> P-соб)** (1, 2) целесообразно отличать от аналогичных предложений без тематического дополнения и (одновременно) от предложений с предикатом (последние будут рассмотрены уже сейчас). Если в первом случае событийная рема была названа **суперпредикатом**, то во втором случае она – часть **суперпредиката**, но еще не сам **предикат** (предлагаем называть ее **квазипредикатом**).

И вот (только теперь) мы подходим к описанию предложений, под которые искусственно подгонялись все синтаксические конструкции русского языка, которые были и главными, и единственными синтаксическими моделями русского языка, – предложений, содержащих подлинные **предикаты**. Эти предложения отвечают формуле: **1-3**.

П = (T-о — > P-соб) (1).

P-соб = T-д — >> P-соб) (2).

P-соб = (T-п << — >> P-ск) (3).

П = (T-о — > (T-д — >> (T-п << — >> P-ск))) (1-3).

Значения дополнительно введенных символов: **T-п** – <тематическое подлежащее>; **P-ск** – <рематическое сказуемое>; <—> – <знак двусторонней зависимости = солидарности = согласования и т. п.>.

В случае отсутствия грамматического подлежащего оно восстанавливается, поэтому никаких различий между «личными», «определенно-личными» и «неопределенно-личными» предложениями мы не констатируем (ср.: [31]), освобождая учебное время для изучения более серьезных языковых материй.

Поскольку в предложении данного типа может быть обстоятельственная тема, оно является **событийным** и отвечает на событийный вопрос. Ср.: [Васенька: **Что случилось?** У тебя **свидание?** – Макарская: Пока ты ходил за билетами, тут кое-что **изменилось**](«Старший сын»); [Шаманов: **А что такое?** – Хороших: Не видите? Ни свет ни заря уже **запузыривают**](«Прошлым летом в Чулимске»).

Предикативное предложение является разновидностью событийного, его развитием и в определенной степени венцом. Оно предполагает как общий событийный вопрос, так и вопрос к предикату-сказуемому: [Макарская (Васеньке): **Что ты делаешь?** – Васенька: Так. **Жгу одно послание...**](«Старший сын»).

Мы не имеем возможности, опираясь исключительно на актуальное членение фразы, отождествлять сказуемое-предикат с каким-либо одним словом, как это принято в традиционном анализе

русского предложения. В переводе на слова сказуемое-предикат многочленно. Ср.: [Реплика: ...Зилов **просыпается не сразу и не без труда**. Проснувшись, он **пропускает два-три звонка, потом высвобождает руку из-под одеяла и нехотя берет трубку**](«Утиная охота»).

В следующих предложениях, как самостоятельных, так и являющихся элементами сложных, выделяем актуальные **предикаты**: 1) На фоне тематического обстоятельства и тематического дополнения: [**П = (T-о — > (T-д — >> (T-п <— > P-ск)))**](1-3): [Маша: Постойте. Что-то я его **не понял**](«Прощание в июне»). 2) На фоне тематического обстоятельства: [**П = (T-о — > (T-п <— > P-ск))**](1, 3): [Гомыра: По кустам он **никогда не прятался, друзей в беде не бросал**](«Прощание в июне»); [Валерия: Вы только подумайте, вчера он **собирался на охоту, шутил... Еще вчера! А сегодня?!...**](«Утиная охота»). 3) На фоне тематического дополнения: [**П = (T-д — >> (T-п <— > P-ск))**]: [Гомыра: С Васей я **бывал во всевозможных маршрутах**](«Прощание в июне»); [Галина: Твоему отцу я **была чужая**. И тебе я **давно чужая**](«Утиная охота»). 4) Без тематического фона: [**П = (T-п <— > P-ск)**]: [Ремарка: Все, кроме Маши и Фролова, **выпивают**]; [Гомыра (Букину): Вася, **почему он не пьет?** – Букин: Не волнуйся, он **выпьет**](«Прощание в июне»); [Зилов: ...И вообще она мне **надоела**](«Утиная охота»).

* * *

Мы завершили рассмотрение только первых трех операций опознания предикативных участков предложения (**суперпредикатов, квазипредикатов** и **подлинных предикатов**). Этим не заканчивается наше исследование русского предложения в плане опознания предикативных элементов на базе **актуального членения** (без учета структурно-грамматических моментов, по крайней мере – без выставления этих моментов на первый план); предполагается публикация второй части настоящего исследования в виде отдельной статьи.

В данной же работе, завершая описание указанных операций, попробуем взглянуть на установленные типы предикативных участков предложения (и, следовательно, предложений в целом, поскольку предикаты – это самое главное в предложении) с точки зрения **теории оппозиций** [33; 34].

Несомненную оппозицию представляют предикаты и квазипредикаты (соответственно: предикативные и квазипредикативные предложения). Обозначив предикативные предложения через сим-

вол **П-пр**, а квазипредикативные – через символ **П-кв-пр**, построим оппозицию:

[**П-пр**] — > [**П-кв-пр**],

с маркированным элементом [**П-пр**]. Это вполне естественно, поскольку в предикате отражается высочайшее развитие мыслительной и речевой деятельности человека – опознание **активного субъекта** действия, события, признака и т. п.

Аналогичная оппозиция обнаруживается и в случае рассмотрения на ряду с [**П-кв-пр**] суперпредикативного предложения – [**П-суп-пр**]:

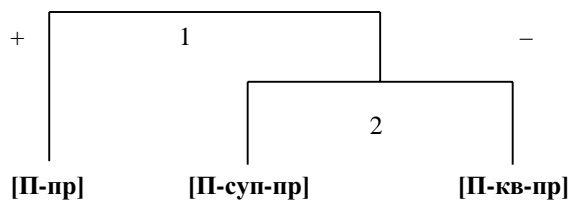
[**П-суп-пр**] — > [**П-кв-пр**].

В целом троичная оппозиция (участок системы) представляет вид:

1 2
[**П-пр**] — > [**П-кв-пр**] < — [**П-суп-пр**].

Крайние члены троичной оппозиции маркированы по отношению к среднему по признаку-1 «субъектность» и по признаку-2 «событийность». Первые («левые») члены обнаруженной троичной оппозиции, [**П-пр**] и [**П-кв-пр**], представляют синонимическую пару (сильная синонимия); такую же синонимическую пару (но это уже – слабая синонимия) представляют «правые» элементы [**П-кв-пр**] и [**П-суп-пр**]. Крайние члены оппозиции [**П-пр**] и [**П-суп-пр**] составляют антонимическую пару.

Схема-дерево отношений:

Список использованной литературы:

1. См.: Цыпин О.А. Что такое предикат? (В помощь учителям-русистам). Тамбов, 2002.
2. Храковский В.С. Концепция членов предложения в русском языкознании XIX века // Грамматические концепции в языкознании XIX века. Л., 1985. С. 133-180.
3. Попов П.С., Стяжкин Н.И. Развитие логических идей от античности до эпохи Возрождения. М., 1974.
4. См., напр., «Всеобщую и рациональную грамматику» 1660 г. («Грамматика Пор-Рояль») А. Арно (1612-1684) и К. Лансело (1616-1695) [Paris, 1660].
5. См. об этом: Кацнельсон С.Д. История типологических учений // Грамматические концепции в языкознании XIX века. Л., 1985. С. 18-28.
6. См.: Березин Ф.М. История лингвистических учений. М., 1975. С. 20-21.
7. Беркли Э. Символическая логика и разумные машины. М., 1961.
8. Гвишиани Н.Б. К вопросу о метаязыке языкознания // Вопросы языкознания. 1983, №2.
9. Ельмслев Л. Прологомены к теории языка. Пер. с англ. // Новое в лингвистике. Вып. 1. М., 1960.
10. Ср.: Шапиро А.Б. Русский язык. М.: Работник просвещения, 1925. См. также: Щеулин В.В. (сост.). Хрестоматия по истории грамматических учений в Советском Союзе. Изд-во Ростовского ун-та, 1972. С. 222.
11. См.: Сидоренко Е.Н. Вопросительные местоимения в роли коммуникативных и учебно-исследовательских вопросов // Ученые записки [Бельцк. пед. ин-та], 1970. Вып. 14. – С. 127-132.
12. Наиболее острой и обоснованной критике так называемые «учебно-исследовательские» модели были подвергнуты в работе Н.И. Рудневой. См.: Руднева Н.И. Статус вопросительных местоимений (на материале драматических произведений Александра Вампилова. Автореф. дис. ... канд. филолог. наук. Тамбов: ТГУ, 1998). Но подобное отрицательное отношение к вопросу-ответной модели существовало и раньше (Храковский В.С. Концепция членов предложения в русском языкознании XIX века. Л.: Наука. Лен. отд., 1985. С. 133-180.)
13. См., напр.: Пауль Г. Принципы истории языка. Пер. с нем. А.А. Холодовича. М., 1960. С. 338-361.
14. История вопроса в книге: Ковтунова И.И. Современный русский язык. Порядок слов и актуальное членение предложения. М., 1976. С. 28.
15. См. также: Шевякова В.Е. Актуальное членение предложения // Большой энциклопедический словарь. Языкознание. М., 1998. С. 22-23.
16. Матезиус В. О так называемом актуальном членении предложения // Пражский лингвистический кружок. Сб. статей. М., 1967. С. 239-245. (впервые статья опубликована в 1947 году). И.И. Ковтунова находит, впрочем, элементы теории актуального членения в трудах А.М. Пешковского и Л.В. Щербы [14:18-25].
17. Непосредственными последователями учения В. Матезиуса в Чехословакии были Ф. Данеш и К. Гаузенблас (Данеш Ф., Гаузенблас К. Проблематика уровней с точки зрения структуры высказывания и системы языковых средств // Единицы разных уровней грамматического строя и их взаимодействие. М., 1969).
18. См. также: Крушельницкая К.Г. К вопросу о смысловом членении предложения // Вопросы языкознания. 1956, №5.
19. Виноградов В.В. Некоторые задачи изучения синтаксиса простого предложения // Вопросы языкознания. 1964, №1. С. 23.
20. Распопов И.П. Актуальное членение предложения: На материале простого предложения (преимущественно в монологической речи). Уфа, 1961.
21. И.И. Ковтунова, впрочем, опубликовала свою работу по актуальному членению предложения [14] только в 1976 году.
22. Руделев В.Г. Русский язык. Учение о предложении. Учебник для VIII-IX классов. Тамбов: Тамб. пед. ин-т, 1992.
23. Фортунатов Ф.Ф. Избранные труды. В 2-х тт. М., 1956-1957.
24. Шахматов А.А. Синтаксис русского языка. Изд. 2-е. Л., 1941.
25. См., напр.: Прокопович Н.Н. Словосочетание в современном русском литературном языке. М., 1966.
26. Подобная работа, но только в отношении именных словосочетаний, была проделана Г.В. Панкиной (см.: Актуализация эпитета (на материале перевода прозы Дж. Голсуорси на русский язык). Автореф. дис. ... канд. филолог. наук. Тамбов, 1998).
27. Хомский Н. Синтаксические структуры // Новое в лингвистике. Вып. II. М., 1962. С. 412-527.
28. Ср.: Степанов Ю.С. Имена, предикаты, предложения: Семиологическая грамматика. М., 1981. Разумеется, подобные классификации могут иметь место, как и типологические исследования на основе структурно-грамматических признаков (см.: Копров В.Ю. Сопоставительная типология предложения. Воронеж, 2000), но это – более сложный подход к исследованию синтаксического материала, нежели тот, которым руководствуемся мы; что же касается объяснительной силы теории, то она в нашем случае может быть ничуть не меньшей, если не большей.
29. Такое (художественное) представление тематического обстоятельства и рематического события (Т-об и Р-соб) заимствовано нами у Л. Теньера (Теньер Л. Основы структурного синтаксиса. Перевод с франц. М.: Прогресс, 1988).
30. Намного раньше подобные образы были у А.А. Дмитриевского (см. его работу: Практические заметки о русском синтаксисе. Два ли главных члена в предложении? // Филологические записки. Вып. III, 1877. С. 12; IV, 1878. С. 76.)
31. Ширяев Е.Н. Односоставное предложение // Русский язык: Энциклопедия. М., 1979. С. 173-174.
32. Золотова Г.А. Очерк функционального синтаксиса русского языка. М., 1973. С. 157 и сл.
33. Трубецкой Н.С. Основы фонологии. М., 1960.
34. Руделев В.Г. Теория нейтрализации. Некоторые результаты. Перспективы развития // Теория нейтрализации. Тамбов, 1980. С. 3-10. Его же. Открытие, не осмысленное веком // Лингвистика на исходе XX века: Итоги и перспективы. Тезисы Междунар. конф. Т. II. М.: МГУ, 1995. С. 446-447.